

УДК 342.727

О НЕОБХОДИМОСТИ ДОПОЛНЕНИЯ ПРЕДМЕТА РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТЕЙ 14 И 109 УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рудаков Артур Михайлович,

научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела,
ВИПЭ ФСИН России. Россия, г. Вологда.

E-mail: ono.nil@yandex.ru

Аннотация. В статье автором обосновано предлагается расширить предмет регулирования статьи 14 УИК РФ. В статье представлены результаты опроса осужденных, проведенного в 2020 году (294 опрошенных) в исправительных учреждениях УФСИН России по Вологодской области, а также результаты опросов граждан (64 опрошенных), проведенного в 2021 году. Содержание статьи носит прикладной и теоретический характер: может быть использовано в качестве информационного компонента при организации воспитательной работы с осужденными и в качестве научно-практического комментария к статье 14 УИК РФ.

Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, убеждения, осужденные, воспитательная работа.

В соответствии с частью 1 статьи 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) осужденным гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания; они вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. Важно отметить, что дефиниция статьи включает в себя полное наименование права на обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных, которое также регламентируется статьей 28 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и положениями федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – федеральный закон № 125-ФЗ). Вместе с тем, из содержания статьи 14 УИК РФ исключены «иные убеждения». На наш взгляд, это связано с тем, что понятие «иных убеждений» не раскрыто ни в Конституции РФ ни в федеральном законе № 125-ФЗ. Тем не менее, помимо религиозных, международные и российские нормативные акты рассматривают и «иные» убеждения: философские (см., например, часть 1 статьи 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»), идеологические (см., например, статью 4 Трудового кодекса Российской Федерации), политические (см., например, пункт «а» статьи 1 Конвенции № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий»).

Таким образом, право на реализацию свободы совести, на наш взгляд, предполагает свободу выбора человеком смысла жизни, основанного на религиозной, философской, политической, идеологической, иной лично выбранной концепции, и соответствующей ей системе ценностей (что такое «добро» и что такое «зло», «правильно» и «неправильно»), а свобода вероисповедания – свободу следовать правилам и нормам, основанным на предмете свободы совести. Убеждение, в свою очередь, – это уверенность в том, что выбранный смысл жизни и соответствующая ему система ценностей являются аутентичными (подлинными, истинными; лично выбранными или лично сформированными). Основопологающим же условием для

реализации свободы совести и свободы вероисповедания является право человека на самоидентификацию: право человека определять самого себя, отвечать на вопрос – кто есть его «Я» или что такое есть «Я»?

Априори предполагается, что личность обладает свободой совести и свободой вероисповедания с рождения, вместе с тем, очевидно, что человек не выбирает место рождения и окружающую его с рождения социальную и информационную среду и иные аспекты первичной идентичности и социализации. Результаты опроса показали, что большинство осужденных (20,3 %) осознали себя самостоятельной личностью только в 16 лет, 19,7 % – в 18 лет, 14,2 % – в 14 лет, 10,2 % – в 15 лет. Опрос граждан показал, что осознание себя самостоятельной личностью у них произошло в большинстве случаев с 16 лет (24,6 %), с 18 лет – у 18 % опрошенных, с 22 лет – у 18 % опрошенных и с 11 лет – у 16,4 % опрошенных. При этом интересно отношение опрошенных граждан к факторам случайности своего рождения и первичной социализации. На вопрос «Можете ли Вы утверждать, что Вам всего лишь повезло в том, что Вы родились в своей семье, а не в семье, из которой вышел преступник?» ответ «да» указали 54,1 %, ответ «нет» – 41 % опрошенных. На вопрос «Могли бы Вы утверждать, что, прожив жизнь преступника от зачатия до настоящего момента (например, Чикатило А. Р.), не совершили бы таких преступлений, какие совершил он?» затруднились ответить 43,5 % опрошенных, ответ «Да, я могу так утверждать» дали 33,9 %, ответ «Нет, вероятнее всего я бы совершил все тоже самое» дали 17,7 % опрошенных.

Важно отметить, что 5,4 % опрошенных осужденных утверждают, что сформированные у них смысло-жизненные ориентации навязаны им извне, а не выбраны ими самостоятельно, 8,5 % полагают, что, скорее всего это так, и 6,1% затруднились с ответом. Вместе с тем, 80,3 % опрошенных осужденных признали, что начали употреблять алкоголь под влиянием друзей, 7,1 % – родителей и знакомых, 2,7 % взяли пример из кино, самостоятельно приняли такое решение 5,4 % (в период с 7 до 16 лет).

Иными словами, в течение 12-16 лет формировалась личность, которая в дальнейшем определяет себя как самостоятельного субъекта, свободно выбравшего те или иные взгляды, несмотря на их очевидную корреляцию с окружающей его социально-информационной средой.

Как правило, в отношении формирования и становления личности осужденных существует множество ложных, на наш взгляд, стереотипов, например: «это выбор самих преступников», «криминальный образ жизни передается по наследству», «преступность существует на уровне генов», «криминальная субкультура – это социальное явление советской и российской действительности» и т. п. На основании этих стереотипов делается ложный вывод: «человека нельзя перевоспитать». Изложенные стереотипы представляют собой факторы, смещающие целевое исправительное воздействие на осужденных с причин на следствие. Аналогичное смещение метафорично проиллюстрировано в романе Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан»: железный топор, подложенный под компас португальцем Негоро, отклоняет стрелку компаса и, как следствие, отклоняет и курс корабля.

Таким образом, необходимо развеять иллюзию свободы выбора убеждений осужденными, раскрыть механизмы формирования их криминальной «совести».

1. Относительно «свободного выбора» заслуживает внимания мнение священнослужителя Марковского Кирилла, автора книги «Небо на дне: 15 лет переписки и встреч с пожизненно лишенными свободы»: «Никто не поспорит с тем, что каждый человек, обладая свободой воли, сам принимает решения и совершает те или иные поступки. Однако можно ли утверждать, что все люди, делая свой выбор, находятся в абсолютно равных условиях? Если предположить, что это так, то очень странным выглядит выбор человеком, например, пути маньяка вместо пути директора

предприятия или простого благополучного семьянина, любимого детками и своей супругой» [4, с. 59]. Вместе с тем, важно учитывать и то, что «у пожизненно заключенных не было ни прошлого, ни настоящего и нет будущего (в земной жизни). У них не было ни счастливого детства, ни юности. Что такое любовь и что значит быть любимым, большинство из них очень плохо себе представляло. Общество их ненавидит и презирает...» [4, с. 11] зачастую с детства.

2. Влияние наследственности при передаче криминального образа мысли и поведения можно рассмотреть на одном из многочисленных примеров, приводимых Робертом Сапольски (нейроэндокринологом, профессором биологии, неврологии и нейрохирургии в Стэнфордском университете) в отношении низкоактивного функционирования варианта гена моноаминоксидазы-А (далее – MAO-A), который разлагает серотонин. Так, если у человека в структуре ДНК низкоактивный вариант MAO-A, то вероятность проявления агрессии утраивается, но только у тех, кто пережил издевательства в детстве. Если в детском анамнезе такого не было, то и у вариантов MAO-A отсутствует какая-либо определенность. Вариант MAO-A предсказывает антисоциальное поведение исключительно в зависимости от среды [7, с. 231]. Вместе с тем, бóльшая агрессивность носителей низкоактивного варианта MAO-A характерна и для лиц, отторгнутых обществом. Таким образом, эффекты данного генетического варианта можно понять исключительно в контексте других, негенетических факторов индивидуальных обстоятельств таких как трудное детство и провоцирующие действия во взрослой жизни [7, с. 232].

3. Актуальные аспекты национальной принадлежности криминальной субкультуры как противостоящей общественному и, прежде всего, государственному порядку, на наш взгляд, наиболее емко раскрыты в докладе директора службы внешней разведки Нарышкина Сергея Евгеньевича на Десятой ежегодной международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, состоявшейся в июне 2019 года в Уфе. Сергей Евгеньевич прямо раскрыл методы формирования деструктивных убеждений «силами нового мирового порядка», которые «ведут целенаправленную войну против традиционных ценностей, национальной идентичности» [1]. С. Е. Нарышкин выразил беспокойство в отношении международной кампании «по пропаганде наркотиков» [1]. Далее по контексту крайне актуальны слова председателя Сбербанка Германа Оскаровича Грефа, который справедливо заметил: «Как только все люди поймут основу своего «Я», самоидентифицируются, управляют, то есть манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания...» [8]. Вместе с этим, по словам главы российской внешней разведки, наиболее тщательной обработке подвергается молодёжь, потенциал которой «направляется в сторону отрицания и разрушения. Ещё Достоевский предостерегал от такого развития русской и мировой истории в своем провидческом романе «Бесы» [1]. В рассматриваемом аспекте целесообразно сделать исторический экскурс в эпоху, когда писался указанный роман Ф. М. Достоевского, используя труд Жиркова Г. В. «История цензуры в России XIX-XX вв.». Так, например, в Указе Павла I от 1800 года говорилось: «Так как чрез вывозимые из границы разные книги наносятся разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне запретить впуск из заграницы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку» [2, с. 33]. Здесь, по нашему мнению, интересно показать динамику роста ввозимой в Россию иностранной литературы и периодики – источников формирования убеждений (в томах и номерах изданий): «1843 – 534 372, 1853 – 958 533, 1858 – 1 614 874, 1860 – 2 255 359, 1862 – 2 727 302, 1866 – 5 046 364, 1868 – 3 611 867, 1869 – 4 034 892, 1871 – 8 735 435» [2, с. 138]. По мнению Совета Главного управления по делам печати в 1871 году «...на 10 жителей Империи приходится один том заграничной печати в год»

[2, с. 142]. В 1896 году среди цензурных учреждений был распространен циркуляр, где предлагалось относиться «с особенною строгостью ко всем поступающим популярным брошюрам и книгам разного рода гигиеническим советам, касающимся половой сферы, так как большинство из них заключает в себе неприличные описания сцен кутежа, разврата и всякого рода излишеств и злоупотреблений половыми отправлениями. Подобного рода издания не имеют ничего общего с медицинской наукой и читаются по преимуществу юношеством, ради заключающихся в них порнографических подробностей» [2, с. 168].

Далее рассмотрим условия формирования криминальных убеждений, которые противоречат принципу свободного выбора.

Во-первых, в законодательстве Российской Федерации существует явное противоречие между элементами правового статуса несовершеннолетних, когда реализация прав и свобод предусмотрена с рождения, а ответственность возникает в возрасте, когда довольно сложно переориентировать субъекта правореализации в социально конструктивном направлении [6, с. 94]. Примечательно, что в 27,1 % случаях осознание себя самостоятельной личностью произошло у осужденных после встречи с правоохранительными органами после совершения первых правонарушений в период с 12 по 16 лет. В дополнение к изложенному важно отметить, что настоящее время – это время открытого и неконтролируемого информационного пространства, в котором формирование деструктивных убеждений для лиц детского и юношеского возраста осуществляется с использованием передовых информационных технологий, и близкое окружение малолетних и несовершеннолетних не в силах противостоять этим технологиям.

Во-вторых, необходимо обратить внимание на зависимость оценки и самооценки личности от социальных и физиологических аспектов. Так, И. С. Кон установил, что внешне менее привлекательные дети значительно меньше любимы их товарищами, и им чаще приписываются отрицательные поступки [3, с. 274]. Вместе с тем, от менее «симпатичных» детей взрослые, в том числе учителя, ждут отрицательных поступков. И если оказывается, что они на самом деле ведут себя хуже, это может объясняться тем, что, чувствуя пристрастность взрослых, ребенок идет им навстречу, «оправдывая» их ожидания [3, с. 275]. Такое оценивающее поведение в среде взрослых и детей, а также социальная стратификация и дифференциация общества, исходя из внешних физиологических данных и социально-экономического статуса его членов, является дурной трагической социально-исторической преемственностью 1990–1999 гг., постоянно подкрепляемой средствами массовой информации. Несвободу первичного процесса формирования убеждений наиболее емко сформулировал Выготский Л. С. в концепции «Социальная ситуация развития»: социальные условия создают у малолетних или подростков психические новообразования, посредством которых в дальнейшем создается новая социальная среда [5].

Таким образом, исходя из изложенного, можем ли мы говорить о свободе выбора криминальных и иных деструктивных убеждений осужденными? На наш взгляд, скорее нет, чем да. И как результат наших размышлений, мы полагаем, что период лишения свободы для осужденных может стать точкой бифуркации, с которой начнется коренное преобразование их личности, и этот процесс изменения должны сопровождать сотрудники ФСИН России. Более того, 28,8 % опрошенных осужденных искренне желают принять помощь в изменении их смысложизненных ориентиров, – 13,9 % проявили заинтересованность в этом и 5,8 % – затруднились с ответом. С этой целью в УИК РФ необходимо внести ряд изменений и дополнений:

1. Часть 1 статьи 109 изложить в следующей редакции: «Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы направлена на их исправление, формирование у

осужденных убеждений, основанных на уважительном отношении к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровня».

2. Статью 14 дополнить частью 8 следующего содержания:

«В целях обеспечения информационной безопасности, идеологической сознательности и политической грамотности осужденных, должностные лица осуществляют организацию просветительской деятельности, направленной на доведение до сведения осужденных информации об обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств».

При этом под просветительской деятельностью необходимо, на наш взгляд, понимать «осуществляемую вне рамок образовательных программ деятельность, направленную на распространение знаний, умений, навыков, ценностных установок, компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [9].

Список литературы

1. Выступление директора СВР России на X международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности «Об обеспечении национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития государств в условиях роста «гибридных» угроз» // сайт Службы внешней разведки Российской Федерации. – Режим доступа: <http://svr.gov.ru/smi/2019/06/vystuplenie-direktora-svr-rossii-na-x-mezhdunarodnoy-vstreche-vysokikh-predstaviteley-kuriruyushchikh.htm> (дата обращения: 11.03.2021).

2. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. – 368 с.

3. Кон И. С. Открытие «Я» М.: Политиздат, 1978. – 367 с.

4. Марковский Кирилл, диакон. Небо на дне: 15 лет переписки и встреч с пожизненно лишенными свободы. – М.: Никая, 2017. – 304 с.

5. Петухов В. В. Курс лекций по общей психологии. Лекция 28. Строение личности [Электронный ресурс]. // YouTube: [сайт]. 02.03.2014. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=lUqVR4Csips&list=PLt3fgqeygGTVk5khY228EBHujarUgyLfv&index=27> (дата обращения: 11.03.2021).

6. Рудаков А. М. Свобода совести без ответственности как одна из причин преступности несовершеннолетних // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. – № 41. – С. 93-98.

7. Сапольский Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 766 с.

8. Сессия Сбербанка России в Санкт-Петербурге «Выход из управленческого кризиса» (ПМЭФ-2012) 22.06.2012 // YouTube: [сайт]. 03.06.2013. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=RABgXkL3GqE> (дата обращения: 07.08.2022).

9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.